

УДК 32

**Архетипические образы Петра Великого,
Николая I и Александра II Освободителя
как инструмент мифологизации/демифологизации
власти в современных СМИ**

Постникова Екатерина Георгиевна

Доктор филологических наук,
доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации,
Магнитогорский технический университет им. Г.И. Носова,
455000, Российская Федерация, Магнитогорск, просп. Ленина, 38;
e-mail: ekaterinapost@mail.ru

Харитоновна Светлана Викторовна

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры языкознания и литературоведения,
Магнитогорский технический университет им. Г.И. Носова,
455000, Российская Федерация, Магнитогорск, просп. Ленина, 38;
e-mail: kirhel73@yandex.ru

Аннотация

Целевая установка статьи – на основе материалов СМИ выявить наиболее популярные в политическом дискурсе архетипические образы и ситуации русской истории, чаще всего проецируемые на современную российскую действительность. В СМИ традиционно тиражируется «черный миф» о кровавом жестоком деспоте-москвитине Иване Грозном и «белый миф» о творце, реформаторе, западнике Петре Великом. Соответственно подключение образа политика (властителя, главы государства) к архетипическому образу Иоанна IV всегда имело целью демифологизацию или даже демонизацию власти, а проецирование образа Петра I зачастую имеет целью достижение обратного эффекта. Образ Петра Великого актуализируется тогда, когда необходимо доказать «ничтожность» политика через его несоответствие архетипу творца-реформатора. Часто для этих целей к образу политика подключается архетипический образ «самозванца», а на политическую реальность проецируется архетипическая для русской истории ситуация «смуты». Из других исторических образов для оценки действий современных политиков используются образы Николая I и Александра II.

Для цитирования в научных исследованиях

Постникова Е.Г., Харитоновна С.В. Архетипические образы Петра Великого, Николая I и Александра II Освободителя как инструмент мифологизации/демифологизации власти в современных СМИ // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 2А. С. 263-273.

Ключевые слова

Политический дискурс, архетипические образы, политика, журналистика, Петр Великий, власть.

Введение

В статье «Архетипические образы Доброго Батюшки-царя и Грозного царя Московского царства как инструмент мифологизации/демифологизации власти в современных СМИ» мы касались проблемы мифологизации русской истории, подключения к реальным сложным историческим личностям древних архетипических образов, а к историческим событиям – пра-событий. Действительно, оказывается, что «все яркие, с точки зрения нации, события насквозь мифологичны» [Почепцов, 2000, 216]. Образы русских царей Ивана Грозного и Петра Великого традиционно являются инструментом для мифологизации/демифологизации власти в западных и российских СМИ. Оба эти государя в русской исторической мифологии воспринимаются как онтологически первые, создатели русской государственности, творцы архетипических жестов. Самые неожиданные, на первый взгляд поступки этих властителей воспринимались как животворящие акты первогероев, устанавливающие правила поведения, кодифицирующие новый порядок в самодержавном государстве. В российских и зарубежных СМИ традиционно тиражируется «черный миф» о кровавом жестоком деспоте-москвитине Иване Грозном и «белый миф» о творце, реформаторе, западнике Петре Великом.

Но и архетипический образ Петра Великого тоже зачастую используется как инструмент демифологизации власти. Во-первых, можно попытаться доказать, что политик не вписывается в сакральный для русского национального сознания образ реформатора, государственника, «работника» на троне, не соответствует национальному архетипу, а является лишь его жалким имитатором. Во-вторых, могут быть предприняты попытки демифологизации образа Петра I – Великого реформатора. В таком случае тот, кто на него похож, тоже выглядит не лучшим образом.

Основная часть

Майкл Макфол (Michael McFaul), бывший посол США в России, в своей статье «Путин Великий (но не очень)» [Макфол, 2014, www] прямо заявляет: «Путин мечтает о том, чтобы его сравнивали с Петром Великим или с Екатериной Великой», – и уже в заголовке разо-

блачает эту тенденцию к отождествлению Президента РФ с прототипическим героем прошлого как самозванную, не соответствующую действительности, пиар-акцию. Обращает на себя внимание и статья Петера Диттмара (Peter Dittmar) «Петр I: царь, собственноручно обезглавливавший своих врагов» [Диттмар, 2013, www]. Статью на сайте ИНОСМИ предваряет фотография. Владимир Путин стоит на фоне портрета Петра Великого. Тот же поворот головы, тот же волевой подбородок, властно сжатые губы, задумчивый, устремленный вдаль взгляд. Поводом к написанию статьи стало открытие в Голландии выставки «Петр Первый. Великий реформатор». «Путин может быть доволен, – пишет автор, – собрание, отобранное из Эрмитажа в Петербурге, представляет собой своего рода гимн уверенного в себе властителя. Ему одному известно, что идет на благо России. Он воплощает идеи, которые и в собственной стране наталкиваются на противоречия. Это картина, которую рисует сегодняшний правитель – пусть даже он предпочитает сегодня Кремль петербургским дворцам». Эти слова являются иллюстрацией и комментарием к предыдущему изображению и должны еще более укрепить нас в мысли, что Путин – современный российский «уверенный в себе властитель», «сегодняшний правитель», сакрализирующий свою власть через подключение к ней образа Петра I.

В этой цитате актуализируется древняя мифология власти, власти, которая от Бога («нет власти не от Бога») и которая обречена на одиночество в силу своей наместнической функции и тайного знания, предзнания, пророческого прозрения судьбы России и судеб мира («ему одному известно, что идет на благо России»). Президент РФ, по мнению автора статьи, подражает Петру, демонстрируя «сильного человека»: «И даже если Путин не обезглавливает собственноручно неверных, не принимает участия в кораблестроении, не возделывает «северную пустыню», он с удовольствием демонстрирует сильного человека». Налицо попытка развенчания образа действующего политика с помощью доказательства его несоответствия архетипическому образу прототипического героя прошлого, подделку под него: «Но то, что он пытается создать искусственным образом, для Петра I было естественно». Включается механизм демифологизации. Единственной параллелью, да и то «случайной», автором признается развод политических деятелей со своими женами: «И то, что он недавно развелся – единственным царем, сделавшим это 315 лет назад, был Петр I – это скорее случайная параллель».

Развенчав Президента России как «имитатора», «подражателя», автор, увлекшись процессом демифологизации власти, берется за самого Петра Великого. «Он превратил Россию в великую европейскую державу. Но о том, что Петр Великий много выпивал, был вспыльчив и мстителен, погубил сотни тысяч людей, на российской выставке, представленной в Амстердаме, не упоминается». Устроители выставки фактически обвиняются в использовании манипулятивного приема умолчания, в необъективности: «Но в Амстердаме таких фраз прочесть не удастся. Как и не говорится о последствиях правления Петра I».

Для понимания способа дешифровки «текста прошлого» России, использованного в анализируемой статье, немалое значение имеет установление семантической доминанты.

Сошлемся на замечательную статью Б.А. Успенского «История и семиотика», в которой дается определение понятия семантической доминанты. Отметив, что история – это прежде всего осмысление прошлого, а историческое сознание предполагает обратный ход мысли, от настоящего к прошлому, исследователь проводит параллель между нашим восприятием исторического времени и восприятием времени в сновидениях. Парадоксальным образом оказывается, что все предшествующие события сновидения спровоцированы его финалом. Аналогично «семиотически отмеченные события заставляют увидеть историю, выстроить предшествующие события в исторический ряд». «Так образуется исторический опыт – это не те реальные знания, которые постепенно откладываются (накапливаются) во времени, по ходу событий, в поступательном движении истории, а те причинно-следственные связи, которые усматриваются с синхронной (актуальной для данного момента) точки зрения. (...) Таким образом, прошлое переосмысливается с точки зрения меняющегося настоящего», – утверждает исследователь [Успенский, 1996, 14]. Итак, под «семантической доминантой», вслед за Б.А. Успенским, мы будем понимать знаковое событие, которое сразу освещает все «предшествующие события – оставшиеся в нашей памяти, – определяя их прочтение, т.е. мгновенно соединяя их причинно-следственными связями, мгновенно сцепляя в сюжетный ряд» [Успенский, 1996, 15]. Для нас важно определить, что же стало такой семантической доминантой для западного и прозападного дискурса, интерпретирующего события современной политической жизни сквозь призму исторической мифологии.

Мы обратили внимание на следующее высказывание Петера Дитмара: «... О восстании стрельцов, вспыхнувшем в 1682, а затем и в 1689 году, в то время как Петр I находился на Западе, и о последовавшей после возвращения царя жестокой расправе над неверными свидетельствует на выставке только две гравюры, хотя это были центральные события тех времен. То же самое касается и поражений в войнах, битвы при Нарве, Прутского похода». Видимо, из всех событий эпохи Петра в качестве знаковых, семантических доминант («это были центральные события тех времен») автором выбирается «жестокая расправа над стрельцами» (события стрелецкого бунта) и поражения в войнах (битва при Нарве). О Полтавской битве не упоминается (прием умолчания). Т.е. знаковые поступки русской власти, с точки зрения иностранного журналиста, – это истребление собственного народа (подавление бунтов) и поражения в войнах. Таким образом, если, говоря об Иване Грозном, западные и прозападные публицисты в качестве семантических доминант выбирают историю жестокого новгородского похода и опричнину, то из истории петровской эпохи как семиотически отмеченные тщательно отбираются «собственноручное» обезглавливание врагов (см. название статьи Петера Дитмара) и «поражения» в войнах. Если учесть, что в коллективном бессознательном любой нации в качестве базовых, пра-событий хранятся архетипически осмысленные травмы или победы, то упор на «поражения» и «жестокость» русской истории, т.е. как раз на травмы, является, по сути, способом разрушения русской национальной мифологии.

Интересно, что разоблачение действующей власти через подключение к ней архетипического образа Петра Великого и доказательство несоответствия этому архетипу встречается не только в западном политическом дискурсе, но и в российском и украинском. Например, выпуск передачи «Время покажет» от 25 мая 2015 года посвящён годовщине избрания нынешнего президента Украины Петра Порошенко. Открывается телепередача пародийным мультфильмом от «Студии 95». Кратко содержание можно изложить так: Порошенко поздравляют с годом правления «нашей сказочной Руси». По итогам года правления Порошенко предлагается отметить этот праздник и загадать желание, задув при этом свечку на торте. Пётр задувает свечу и загадывает, чтобы исполнилось всё то, что он наобещал своим избирателям. При этом Украина и сам Пётр представляются в образе Российской Империи петровских времён, будто сошедшей с картин о Петербурге. И сам Порошенко одет как император Пётр I, имеет характерные усы. Далее в мультфильме мечты Петра Порошенко начинают сбываться: Украина возвращает Крым, получает членство в Евросоюзе, расплачивается по долгам. Остается исполнить последнее обещание Порошенко – отказаться от бизнеса. Завершается всё продажей фабрики, которая принадлежала Петру Порошенко. Тот впадает в истерику, кричит, делает самодельный торт, загадывает новое желание: «Хочу, чтобы фабрика вновь стала моей».

Зрители должны прийти к неутешительным выводам: президента Украины не заботит состояние страны. Им движет только жажда наживы и страсть к собственности. Ради этого он готов отказаться от своего обещания привести страну в «светлое будущее». Здесь интересы страны сталкиваются с интересами олигарха Порошенко. Не случайно используется образ Петра Великого – архетипический образ, творца-реформатора, царя-труженика на троне, внедрившего в национальное сознание идею «службы Государству». Порошенко, хватающийся за свой карман, – «Петр, да не тот». Он не соответствует великому архетипическому образу. Вороватый Петруша – самозванец. Так, к образу легально избранного Президента подключается архетипический образ Самозванца, происходит мифологизация (со знаком минус) современной украинской власти, а события Евромайдана интерпретируются через архетипическую для Руси ситуацию смуты.

Итак, мы можем утверждать, что в современных СМИ образ Петра Великого актуализируется тогда, когда необходимо доказать «ничтожность» политика через его несоответствие архетипу творца-реформатора. В таком случае пытаются показать, что политик не вписывается в сакральный для русского национального сознания образ реформатора, государственника, «работника» на троне, не соответствует национальному архетипу, а является лишь его жалким имитатором.

Из других исторических образов для оценки действий современных политиков иногда используется образ Николая I в его стереотипизированном варианте. Образ императора Николая Павловича стал мощным средством демонизации современной политической власти. Мы обратили внимание на статью журналиста Жерома Готье (Jérôme Gautheret) «Путин

– преемник Николая I» [Готье, 2014, www]. В самом начале статьи автор огорошивает читателя одному ему известным фактом: «В президентском кабинете Владимира Путина висит внушительного вида портрет». Оказывается, это портрет Николая I. А так как «президент – настоящий мастер символической игры, и исторические ссылки у него не бывают пустыми и невинными», можно попытаться разгадать «загадку Путина», подключив к нему образ «самого логичного из автократов». Все встает на свои места, по мнению автора, «Николай I химическим образом воплощает в себе чистейшую суть царизма», как и сам Президент РФ. Еще раз западные СМИ пытаются актуализировать архетип Травмы (Поражения) в русском национальном сознании, проводя параллель между проигранной Крымской войной 1855 г. («царь Николай I скончался в разгар неудачной для страны Крымской войны») и крымскими событиями 2014 г. Жером Готье пишет: «Несмотря на сокрушительное поражение, Крымская война является важнейшим событием для российских националистов. Они прославляют Николая как воплощение истинного русского «гения», который нельзя загасить под предлогом «модернизации» страны. Контроль над обществом с опорой на политическую полицию, неприятие западной модели либерализации нравов, защита «угнетенных» русских и христианских меньшинств – все это прослеживается в нынешних заявлениях кремлевского руководства, которое критикует слабость и лицемерие Европы, так как та легализует однополые браки, но в то же время бросает христиан на произвол судьбы, один на один с исламистской угрозой в Сирии. (...) Поставив себя преемником забытого всеми царя, Путин пытается вернуть времена Российской Империи, ее положение великой реакционной державы в Европе. Первое приносит ему огромную популярность в стране, а второе вызывает искреннее восхищение у всех европейских ультраправых движений».

Не забыт русским политическим дискурсом и образ Александра II, Царя-Освободителя, реформатора, самого либерального русского царя за всю историю. Этот образ используется, конечно, не для «демонизации» власти, а для «белого пиара», создания позитивного образа власти. В этом смысле нам показалась любопытной статья Татьяны Кособоковой «Президент примерил на себя образ царя» [Кособокова, 2011, www]. Президент – это, в данном случае, Дмитрий Медведев, который на одном из питерских форумов порассуждал об истории России. Либеральной публицистикой эти рассуждения были интерпретированы как попытка президента «примерить» на себя образ императора Александра-освободителя («Президент примерил на себя образ императора Александра-освободителя, и он ему по-нравился»). «Вчера в Петербурге Дмитрий Медведев спроецировал времена отмены крепостного права на сегодняшние начатые им реформы и пришел к выводу, что преобразования по своей ценности для истории похожи. До его прихода к власти, как и во времена Александра II, свободы не было, следовало из слов президента. Расставил глава государства и исторические приоритеты. История рассудила, что прав был Александр II, а не Николай I и Сталин, подчеркнул он, тем самым противопоставив свои идеалы идеалам Владимира Путина», – отмечает журналист. «Свобода лучше, чем несвобода, – повторил

он свои собственные слова трехлетней давности, добавив, – Этот путь не завершен и сегодня». «Выяснилось, что сегодняшняя Россия под руководством Медведева продолжает курс, который был проложен полтора века назад Александром II», – утверждает в статье. Высказывания Президента были поняты как конфликт (заочный) либерально настроенного Д. Медведева с авторитарным консерватором Путиным: «Вчера общественность оказалась поражена заочным спором Медведева с Путиным», «неожиданно вступил в спор с премьером он». На наш взгляд, здесь проявляется часто используемая в русском политическом дискурсе (вспомним хотя бы статьи А. Герцена) мифологическая оппозиция: Отец-тиран и сын-освободитель (Николай I и Александр II, Александр III и Николай II). Либерально настроенная, прозападная часть общества, мечтает в Дмитрие Медведеве увидеть не только преемника, но и новатора, надежду русского либерализма. Мы видим в этом проявление «мифолого-эсхатологической модели», свойственной русскому национальному сознанию по мнению Ю. Лотмана, Б. Успенского [Успенский, Лотман, 1996, 414]. В политической истории России это мифологическое противостояние было вписано в традицию развертывания-свертывания либеральных реформ (например, от либерального Александра I – через закоренелого консерватора Николая I – к великому реформатору Александру II).

И все же самым мощным, на наш взгляд, оружием, используемым для десакрализации русской власти, является архетип самозванства и образ самозванца. Читаем, например, в статье Пьера Карила-Коэна «Ярмарка царей» [Карила-Коэн, 2011, www]: «Не переставать удивляться», – такой совет дает аргентинский историк Клаудио Ингерфлом в конце своей мудрой, глубокой и забавной книги, которую он посвящает явлению самозванцев в российской политической истории. Пусть Клаудио Ингерфлом и любит посмеяться вместе с читателем, к явлению самозванцев он подходит предельно серьезно. И предлагает его детальный анализ, который может показаться слегка непонятным для неспециалистов, но позволяет нарисовать историческую и антропологическую картину России сегодня и на протяжении нескольких последних веков. (...) Таким образом, Владимир Путин, который любит выставлять на всеобщее обозрение свой мускулистый торс и представляется некоторыми как пришедший спасти Россию посланец божий, прекрасно вписывается в эту политическую традицию, пережившую октябрьскую революцию и распад СССР». Какое отношение голый торс Путина имеет к самозванству, трудно понять, но намек очевиден и вывод ясен.

Заключение

Итак, мы убедились, что отождествление политика с прототипическими героями прошлого позволяет встроить его в систему «вечных» мифов или «выбить» из нее. Подключение архетипических образов русской исторической мифологии к образам современных политиков в современных СМИ – одно из проявлений феномена медиатизации политической власти, процесса проникновения политического поля в медийное. Одно-

временно этот прием стал распространенной политтехнологией в современном политическом процессе. Для мифологизации/деифологизации и демонизации российской власти в информационной войне чаще всего используются архетипические образы Доброго Батюшки-Царя, Грозного царя московского царства (Иоана IV), Великого реформатора (Петра I), жестокого Тирана-автократа (Николая I) Реформатора-освободителя (Александра II), а также образ Самозванца на троне и ситуации смуты и войн. При этом в западных СМИ вспоминаются войны (бои), проигранные русской властью, например, Крымская война (1853-1856 гг.) или битва при Нарве (1700г., но не 1704г.), а в русском политическом дискурсе всегда актуальны архетипы Победы и «последнего и решительного боя».

Библиография

1. Абрамзон Т.Е. «О происхождении слова царь» А.П. Сумарокова как факт мифологии власти (Материалы к статье «царь» культурологического словаря) // Проблемы истории филологии культуры. 2009. №24. С.392-399.
2. Волкова В.Б., Кривошлыкова М.В., Малек Е.В. Стереотип в процессах социального восприятия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. №1 (75). С.67-70.
3. Готье Ж. Путин – преемник Николая I // Le Monde. ИНОСМИ. 18.05.2014 URL: <http://inosmi.ru/world/20140518/220380454.html>
4. Диттмар П. Петр I: царь, собственноручно обезглавливавший своих врагов // Die Welt. ИНОСМИ. 05.08.2013. URL: <http://inosmi.ru/russia/20130805/211599672.htm>
5. Карила-Коэн П. Ярмарка царей // Le Monde. ИНОСМИ. 18.12.2011. URL: <http://inosmi.ru/social/20151218/234843027.html>
6. Кособокова Т. Президент примерил на себя образ царя // Заголовки. 4 03.2011. URL: <http://zagolovki.ru/article/04Mar2011/focus>
7. Макфол М. Путин Великий (но не очень) // Politico. ИНОСМИ. 5.08.2014. URL: <http://inosmi.ru/russia/20140805/222164673.html>
8. Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XXXVII. Ленинград: «Наука», 1983. С. 54-78.
9. Полосин В. Миф. Религия. Государство. Исследование политической мифологии. М.: «Ладомир», 1999. 440 с.
10. Постникова Е.Г. Миф о культурном герое Нового времени и образ Петра I «Помпадуррах и помпадуршах» Салтыкова-Щедрина // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. №4. с 144-151.
11. Почепцов Г. Психологические войны. М., 2000. 320 с.

12. Севастьянова В.С., Дубских А.И., Харитонова С.В. Изучение архетипических структур в языковой и ментальной картинах мира (на примере романтического и символистского дискурсов) // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов – когнитологов», 2017. С. 33-38.
13. Успенский Б.А. История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 9-70.
14. Успенский Б.А., Лотман Ю.М. Споры о языке начала XIX в. как факт русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 411-73.
15. Элиаде М. Миф о Вечном возвращении. М.: Ладомир, 2000. 435с.

The archetypal image of Peter the Great, Nicholas I and Alexander II "The Liberator" as a tool of mythologizing/demythologizing of the state power in the modern media

Ekaterina G. Postnikova

Doctor of Philology,
Associate Professor at the Department of the Russian language,
Magnitogorsk State Technical University,
455000, 38, Lenina av., Magnitogorsk, Russian Federation;
e-mail: ekaterinapost@mail.ru

Svetlana V. Kharitonova

PhD in Pedagogy,
Associate Professor at the Department of Linguistics and Literature, Magnitogorsk State
Technical University,
455000, 38, Lenina av., Magnitogorsk, Russian Federation;
e-mail: kirhel73@yandex.ru

Abstract

The purpose of this article is to identify on the basis of media materials the most popular in the political discourse archetypal images and situations of the Russian history, most often projected on the modern Russian reality. In the mass media traditionally is replicated "the black myth" of the bloody brutal Muscovite despot – Ivan The Terrible and "the white myth" of the creator, reformer, pro-westerner Peter the Great. Accordingly, connection of a politician's

image (the ruler, head of the state) to the archetypal image of Ivan IV had always the aim of the demythologization or even demonization of the state power and on the contrary, projection of Peter I's image is often provides the opposite effect. The image of Peter the Great actualizes when it is necessary to prove the "null and void" of a politician through his discrepancy to the archetype of the creator and reformer. For these purposes, to the image of a politician often connects the archetypal image of the "impostor", and archetypal for the Russian history situation of "the time of troubles" is projected on the political reality. From the other historical images, the images of Nicholas I and Alexander II are used to assess the actions of modern politicians.

For citation

Postnikova E.G., Kharitonova S.V. (2017) Arkhetipicheskie obrazy Petra Velikogo, Nikolaya I i Aleksandra II Osvoboditelya kak instrument mifologizatsii/demifologizatsii vlasti v sovremennykh SMI [The archetypal image of Peter the Great, Nicholas I and Alexander II "The Liberator" as a tool of mythologizing/demythologizing of the state power in the modern media]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (2A), pp. 263-273.

Keywords

Political discourse, archetypal image, politics, journalism, Peter the Great, state power.

References

1. Abramzon T.E. (2009) O proishozhdenii slova "tsar" A.P. Sumarokova kak fakt mifologii vlasti (materialy k statje "tsar" kul'turologicheskogo slovarya) [The origin of the word "tsar" by A.P. Sumarokov as fact of the mythology of power (The article "Tsar" in the dictionary of culturology)]. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture]. Magnitogorsk: Nosov Magnitogorsk State Technical University.
2. Dittmar P. (2013) Peter I: tsar, sobstvennoruchno obezglavlivavshij svoikh vragov [Peter the Great: the king, who beheaded their enemies by his own]. In: *Die Welt*, Available at: <http://inosmi.ru/russia/20130805/211599672.htm> [Accessed 4 January 2017]
3. Eliade M. (2000) *Mif o Vechnom vozvrashhenii* [The myth of the Eternal return]. Moscow: Ladomir Publ.
4. Gothier J. (2014) Putin – preemnik Nikolaya I [Putin is a successor of Nicolai I]. In: *Le Monde*, Available at: <http://inosmi.ru/world/20140518/220380454.html> [Accessed 4 January 2017]
5. Kariela-Koen P. (2011) Yarmarka tsarej [Fair kings]. In: *Le Monde*, Available at: <http://inosmi.ru/social/20151218/234843027.html> [Accessed 4 January 2017]

6. Kosobokova T. (2011) Prezident primeril na sebya obraz tsarya [The President tried on the image of the king]. In: *Zagolovki*, Available at: <http://zagolovki.ru/article/04Mar2011/focus> [Accessed 4 January 2017]
7. McFaul M. (2014) Putin Velikij (no ne ochen') [Putin is great (but not very)]. In: *Politico*, Available at: <http://inosmi.ru/russia/20140805/222164673.html> [Accessed 4 January 2017]
8. Panchenko A.M., Uspenskij B.A. (1983) Ivan Groznyj i Petr Velikij: kontseptsii pervogo monarkha [John the Terrible and Peter the Great: the concept of the first monarch. Tom XXXVII]. In: *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Writings of the Old Russian literature Department Vol. XXXVII]. Leningrad: Nauka Publ.
9. Polosin V. (1999) *Mif. Religiya. Gosudarstvo. Issledovanie politicheskoy mifologii* [Myth. Religion. State. A study of the political mythology]. Moscow: Lodomir Publ.
10. Postnikova E.G. (2010) Mif o kul'turnom geroje Novogo vremeni i obraz Petra I "Pompadurah i pompadurshah" Saltyikova-Schedrina [The myth of the cultural hero of the New time and the image of Peter the I. "The Pompadours and Pompadoured" by Saltykov-Shchedrin]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. №4* [The Bulletin of the Chelyabinsk State University. №4], pp. 144-151.
11. Pocheptsov G. (2000) *Psikhologicheskie vojny* [The psychological wars]. Moscow.
12. Sevastyanova V.S., Dubskikh A.I., Kharitonova S.V. (2017) Izuchenie arkhetypicheskikh struktur v yazykovej i mental'noj kartinakh mira (na primere romanticheskogo i simvolistskogo diskursov) [Studying archetypic structures in language and mental worldviews (on the material of romantic and symbolist discourses)]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive linguistics]. Tambov: All-Russian Public Organization "The Russian Cognitive linguistics Association".
13. Uspenskij B.A. (1996) Istoriya i semiotika (vospriyatie vremeni kak semioticheskaya problema) [History and semiotics (time perception as a semiotic problem)]. In: *Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* [Semiotics of history. Semiotics of culture]. Moscow: School "LRC Publishing House".
14. Uspenskij B.A., Lotman Yu.M. Spory o yazyke nachala XIX v. kak fakt russkoj kul'tury. [The debate about the language of the early nineteenth century as a fact of Russian culture]. [History and semiotics (time perception as a semiotic problem)]. In: *Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* [Semiotics of history. Semiotics of culture]. Moscow: School "LRC Publishing House".
15. Volkova V.B., Krivoshlyikova M.V., Maleko E.V. (2017) Stereotip v protsessah sotsialnogo vospriyatiya [The stereotype in the processes of social perception]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. № 1* [Historical, philosophical, political and law Sciences, Culturology and Study of art. The theory and practice. № 1], pp. 67-70.